«И так ясно, что она не так хорошо общалась со своими одноклассниками».

Сегодняшняя Ая кардинально отличалась от той, что я встречал прежде. Тогда я узрел её недостатки, потому что она постоянно была сонной и растрёпанной, но аккуратно накрашенная, в выглаженной белой рубашке, она очаровывала не меньше своей сестры. Полагаю, она прекрасно знала, что способна выглядеть обаятельно, и это её умение несомненно опиралось на комплекс неполноценности, который в ней пробудила её же сестрёнка. «Но помимо этого я ни черта не знаю, – пожала она плечами. – На третьем году средней школы Юи вдруг взялась пропускать занятия и не объяснила мне, почему. Ничего не сказала ни друзьям, ни учителям, ни семье. Когда родители спрашивали её, что произошло в школе, она всегда отвечала: "Ничего". Может, просто умные и скромные дети привыкли переживать всё в себе и не полагаться на остальных». «Она никогда не горела желанием рассказывать другим о своих проблемах». «Всё так. Поэтому извини, Ёччан, не думаю, что буду особо полезна. И я сомневаюсь, что родители знают больше». Ая стала более дружелюбной, чем раньше. Возможно, причиной послужило то, что она наконец выспалась, или же её характер зависит от того, накрасилась она или нет. Приобретая уверенность в себе, становишься милее к остальным. У меня была причина снова навестить Аю. Еженощно преследуя Хаджикано, я отметил некоторые моменты в её поведении, пересекающиеся с действиями Хаджикано прошлой. Пусть она казалась совершенно иной снаружи, я смог увидеть те её особенности, что не слишком изменились с течением времени и только укоренились в ней. И чем сильнее я в этом убеждался, тем больше сомнений возникало у меня в голове. Неужто Хаджикано отчаялась только из-за этого родимого пятна? Несмотря ни на что я не мог представить, что один единственный недостаток может подвигнуть её аж на самоубийство, потому что это всё та же Хаджикано, которая в начальной школе смогла примириться с моей родинкой. Разве может чьё-то отношение так основательно перемениться за полтора года? Или, может, принять чужой дефект гораздо легче, чем собственный?

Вероятно, её разочарованность в жизни имела причины более глубокие. Возможно, мы зациклились на том, что лежит на поверхности, и не замечаем самого важного. Может, за те полгода между появлением родинки и регулярными пропусками школы с ней произошло нечто значимое? Если моё предположение о том, что её отчаянье вызвано чем-то помимо родинки, верно, то, чтобы узнать правду, прежде всего я должен залезть Хаджикано в душу. Поэтому сперва я отправился к Ае, самому близкому ей человеку. «Если ты и правда так хочешь узнать, то почему бы тебе прямо не спросить её одноклассников? – внезапно произнесла Ая после долгого молчания. – Наверняка в твоей школе найдётся хоть одна девочка из Средней Митсубы. Может, она знает, почему Юи такой стала». «Я тоже об этом подумывал, но сейчас каникулы, и все уже разбежались». «Тогда отправься туда, где ты скорее всего сможешь их найти». «Полагаю… я поступлю так, как вы и говорите, мисс Ая. Обойду все людные места и зайду в школу, чтоб уж наверняка. Может, я смогу поспрашивать у ребят, которые заняты в клубах». «Рада помочь и всё такое, но… – она сложила руки и закусила губу, – я планирую сегодня встретиться с парочкой школьных друзей…» Ая остановилась и заглянула за моё плечо. Я обернулся и увидел, как на улице остановилась синяя машина с доской для сёрфинга на крыше и включёнными сигнальными огнями. Автомобиль был ужасно старый, и краска на капоте уже вся выгорела на солнце, а двигатель ужасно громко тарахтел. Водительская дверь открылась, и из неё вышел мужчина примерно того же возраста, что и Ая. Он был чуть повыше меня, с дешёвым ожерельем на шее и в тёмных очках, напоминающих глаза мухи, загорелый и мускулистый, что подчёркивала тесноватая ему рубашка. Он направился к Ае, а сандалии шлёпали по земле. «Эй, – помахал он ей, и будто только что меня заметил, взглянул на меня и спросил, – кто этот парниша?»

«Друг моей сестры, – ответила она. – Так что ты здесь забыл?» «Разве я не предупреждал, что заеду за тобой, Ая? – он снял свои солнечные очки и скорчил удивлённую мину. – Обещал быть сегодня в час». «Нежели я не предупредила, что у меня другие планы?» «Неа». «Что, правда? Что ж, на деле я хотела встретиться сегодня со своими

друзьями со старшей школы. Я не могу отвлечься на тебя». «Ах да! – воскликнула Ая, словно придумала чудесный план, пока тот мужчина в недоумении стоял с полуоткрытым ртом. – Гляди, этому мальчику нужно прошвырнуться по городу, чтобы кое-то разузнать. И ты, Масафуми, ему с этим поможешь. Ты ведь весь день свободен, так?» «Я?» – замешкался Масафуми, его голос дрогнул. «Если не хочешь, то ладно». «Ладно, как скажешь», – вяло ответил он и сник. Его звали Масафуми Тотсука. 23-летний выпускник колледжа, который был с Аей в одной группе. Кажется, он что-то к ней чувствовал, но она каждый раз ему отказывала. Он только-только начал заниматься сёрфингом и потому с трудом держался на волнах. «Эй, как думаешь, Ая когда-нибудь будет дружелюбна ко мне? – спросил Масафуми (моё положение его явно не волновало). – Ты ведь с ней в хороших отношениях, так?» «Нет, мы только встретились». «Но мне кажется, что она тебе доверяет. Разве нет?» «Вам это только кажется. Когда мы впервые пересеклись, она решила, что я сталкер её сестры». «Но ты ведь занимаешься чем-то подобным». «Не отрицаю». «Тогда у нас есть что-то общее, – добавил Масафуми. – Оба вертимся вокруг Хаджикано». Автомобильное радио было настроено на волну местной станции, где проигрывали попсу. После последовала коротенькая новостная сводка. Сказали, что это лето станет самым жарким за последние двадцать лет. Видимо, 13-го июля сезон дождей прекратится по всей стране. Как бы в контраст прогнозу, кондиционер в машине нас решил просто заморозить, и мне приходилось постоянно потирать руки, чтобы согреться. Когда же я вышел к моему первому месту назначения – старшей школе, по моему телу, которое и забыть успело, что на улице лето, ударила жара, и за считанные минуты я вспотел как чёрт. Я обошёл школу, и где бы ни встречал первогодок, начинал беспорядочно их расспрашивать. На удивление, в школе даже на летных каникулах было полно детей, которые были заняты совершенно разными вещами: теннисисты сидели в душной комнате и играли в настольные игры; бейсболисты сражались с полчищами жуков во дворе; парочки из библиотеки не реагировали ни на прикосновения, ни на пристальные взгляды; художники, загоревшие посильнее членов спортивных клубов, всё рисовали снаружи; девчонки в пустом кабинете с занавешенными окнами просто разговаривали друг с другом; а парень из музыкального клуба, который вышел глотнуть свежего воздуха, валялся на носилках. Я спросил где-то двадцать человек, и никого из Средней школы Митсубы среди них не было.

«Та школа для капризных девчонок, да? – произнёс один мальчик. – Никто не перейдёт по своей воле из такого места сюда. Ты не там ищешь». Всё было так, как он и сказал. Я окинул школу взглядом и вернулся к машине. Масафуми откинулся на спинку кресла и читал журнал про кино. Когда же я сказал ему, что не получил никаких результатов, он только безразлично фыркнул, бросил журнал на заднее сиденье и завёл двигатель. Он сказал, что голоден, и остановился рядом с раменной. Я не особо хотел есть, но неохотно пошёл за ним. Вокруг магазина носились мухи, да и рамен, который там подавали, по вкусу был как быстрая лапша с маслом. Масафуми заказал две порции и умял их в одно мгновение. После еды он снова попросил меня разъяснить ситуацию. Я опустил подробности и сказал ему, что пытаюсь узнать причину, почему моя бывшая хорошая подруга Хаджикано перестала ходить на уроки.

«Почему ты тут проводишь целые расследования, когда можешь просто спросить её об этом? – озадачился он. – Или в том, чтобы бродить вокруг да около, есть смысл?» «Спорный вопрос, – ответил я. – На карте некоторые дороги кажутся прямыми и короткими, но на деле они могут оказаться самыми извилистыми». «Не знаю, в чём проблема, но я бы спросил у неё прямо». «Согласен, – вмешался владелец магазина из-за прилавка, – девочки любят поговорить, так? Если они видят, что ты готов слушать, они расскажут тебе больше, чем ты спросил». «Что-то я в этом сомневаюсь, – возразила его жена. – У каждого есть парочка секретов, о которых никому не рассказывают, так ведь?» «Не у меня», – пробурчал владелец магазина. «О, правда? – с сомнением спросила она его. – Я думала, что у тебя их много». Выйдя из магазина, мы наведались в немноголюдный торговый район, на набережную и в другие похожие места. Поспрашивав пару ребят, набивавших себе щёки лапшой на стоянке супермаркета, я понял, что мой энтузиазм улетучился. Всё, умываю руки, –

подумал я. В конце концов я не узнал ничего полезного. Я предполагал, что так и будет, но не только не встретил ни одной ученицы Средней школы Митсубы, но и никого, кто кого-то оттуда хотя бы знал. Да и вообще, кто из столь престижной школы может вдруг оказаться в Минагисе? Никого такого, помимо Хаджикано, я не знал. «Мы просто потратили кучу времени», – сказал Масафуми с водительского сиденья. «Извините. Спасибо, что помогли сегодня». «Не за что. Ты же скажешь Ае, что я был полезен, да?» Как я и думал, возвращались мы тем же путём, и тут машина притормозила у бара. Я с подозрением глянул на Масафуми. «Давай завернём. Ты прошатался целый день, небольшая передышка не повредит», – с этими словами он потащил меня в бар. Потыкивая скумбрию, пока Масафуми рядом пил сакэ, я хлебал собу со слишком уж наваристым бульоном. Я впервые был в баре и волновался, как бы кто не спалил, что я старшеклассник, но ко мне, кажется, и не собирались придираться, пока я не притрагивался к выпивке. И кстати, как Масафуми собирается после этого добираться домой? Бросит ли он здесь машину или переночует прямо в ней, или, конечно же, сядет за руль пьяным? Не знаю, о чём он думал, но как пассажир я имел право беспокоиться. Чуть погодя Масафуми покинул меня и прошёлся по ресторану, болтая с некоторыми людьми, похожими на постоянных посетителей этого местечка. Я же поглядывал в телевизор в углу бара. Там шло что-то про призраков, рассказывали заезженные истории вроде тех, что про ночные завывания в заброшенных школах. Я положил локоть на стойку и начал было клевать носом, как Масафуми вернулся с кем-то ещё. То был вполне неглупого вида мужчина в очках со стаканом виски в руке. «Эй, ты, тебе бы лучше поблагодарить меня, – сказал Масафуми, в стельку пьяный и оттого раскрасневшийся, – младшая сестра этого парня из Средней Митсубы». «Здравствуй, – с вежливой улыбкой произнёс тот, – ты что-то хотел узнать у выпускницы Митсубы?» «Да, всё так, – ответил я, – но есть одна особенность: я ищу кого-то, кто выпустился оттуда в прошлом году…» Мужчина улыбнулся ещё шире. «Так это точно моя сестра». Там я с Масафуми и разделился. Он рухнул в водительское кресло, сказал, что останется здесь, и бесцеремонно помахал мне рукой. Я, пройдя пешком порядка 20-ти минут, пришёл домой к мужчине в очках, Ядомуре. Он ушёл, чтобы позвать сестру, но затем вернулся один. «Видимо, её уже нет дома, – извиняющимся тоном сказал он мне, – бьюсь об заклад, она ушла в лес». «В лес? – повторил я. – Вы про тот, что у побережья?»

«Верно. Полагаю, там она ищет духов». Духов? Я точно не ослышался, Ядомура сказал про духов. Но больше не затрагивая эту тему, он поведал мне простые инструкции, как добраться туда, где предположительно находилась его сестра. Я всё равно спросил его: «Эм, так что насчёт духов?» – и он ответил: «Если любопытно, можешь спросить у неё самой».

Пройдя по тропинке меж рисовых полей, я обнаружил вход в перелесок. К ночному лесу не привыкнуть, сколько бы раз ты его ни посетил. Особенно летом. У меня не было ни лампы, ни фонарика, и только лишь тонкие полоски лунного света пробивались сквозь ветви и листья, а нескончаемые таинственные шорохи со всех стон вызывали только беспокойство. Если честно, мне было трудно поверить, что ученица престижной школы для девочек пришла сюда. Я шёл по тропинке дальше и увидел поляну с перекрёстком. Если верить Ядомуре, его сестра должна была находиться здесь. Только мои глаза чуть привыкли к такому освещению, я увидел маленькую девочку, сидящую на пне. Ни один её мускул не двигался, поэтому сначала я решил, что она часть этого пенька. «Добрый вечер, – поздоровался я с ней, – твой брат рассказал мне об этом месте. Я искал ученицу Митсубы, чтобы кое-что спросить». Спустя некоторое время из темноты послышался ответ: «Твоё путешествие окончено. Хорошая работа». «Ты знаешь девочку по имени Юи Хаджикано?» «Юи Хаджикано… – ответила она, будто ощупывая слова. – Да, я знаю её. Девочка с родимым пятном на лице?» «Верно, с большой родинкой слева, – подтвердил я, еле сдерживаясь, чтобы не запрыгать от радости. – Я бы хотел узнать о ней кое…» «Это всё, что я могу о ней сказать, – перебила она меня. – Мы не особенно дружили, да и к тому же были в разных классах, так что о мисс Хаджикано я ничего не знаю. Я запомнила её имя, разглядывая фотографии и выпускном альбоме, из-за её выразительной родинки, но я никогда с ней не разговаривала». «Ясно…» Я старался

скрыть разочарование в своём голосе, но сестра Ядомуры легко это поняла. «Извините. Я была бы рада познакомить вас с кем-нибудь, но с социализацией у меня проблемы, поэтому я даже и не знаю, к кому вас отправить». «Нет, всё в порядке, – ободрил я её, как мог, – на самом деле мне гораздо интереснее послушать про всяких духов». «Это мой брат об этом сказал?» – с горечью в голосе заговорила она. «Да. Ты ищешь призраков, так ведь?»

«…Честно говоря, я в них особо и не верю, – она надула губы. – Да и не обязательно в призраков. НЛО, экстрасенсы, криптиды (1) – что угодно. Если по существу, я хочу найти разлом в нашем мире». Я обдумал её слова и заключил, что могу это переформулировать как "вещи сверх человеческого понимания". «Послушайте, мистер, – кажется, она ошибочно предположила, что я старше её, – Я же понимаю, вы знаете, что все эти так называемые духи – обычные видения, которые возникают у людей в мозгу. Но пусть это просто иллюзия или галлюцинация, мне как-то всё равно. Думаю, если я смогу засвидетельствовать хоть что-нибудь, что существует вне законов реальности, это привнесёт немного смысла в мою жизнь». Затем она притихла, будто бы задумалась о чём-то. Мои глаза наконец полностью привыкли к столь тусклому освещению, и я смог её увидеть. Она была похожа на куколку, а её длинные волосы, спускавшиеся прямо до талии, казались тяжеловатыми. «…Другими словами, если хотя бы единожды вы увидите, как ночью игрушки вылезли из коробки и начали разговаривать, не изменит ли это ваше отношение к игрушкам, которые вы увидите после? Подобного перелома я и жду». Она объясняла свою мотивацию поиска духов, используя подобные примеры, минут двадцать. И только она пришла к некому заключению, то внезапно замолчала, будто бы у неё села батарейка, и что-то пробурчала. «Я что-то заговорилась».

Это прозвучало так, словно она хотела исчезнуть. Если бы только не было так темно, уверен, я бы смог ясно увидеть, как она краснеет. «Было очень интересно», – сказал я ей, не подразумевая сарказма в принципе. Её голос стал только слабее: «Обычно я ни с кем не разговариваю, поэтому, когда появляется возможность, я говорю так много. Когда я вернусь домой, меня ожидает рефлексия». «Я знаю, каково это». «Лжец. Вы не можете понять. Вы похожи на человека, у которого много друзей». Я горько улыбнулся, пробормотав про себя: «Вообще нет». В младшей школе я раз за разом промахивался подобным образом перед Хаджикано. После долгих каникул, вернувшись в школу, я мог поговорить с ней и рассказывал столько всего, о чём она меня даже не спрашивала, а после ходил подавленный. Я упрекал себя в том, каким же безнадёжным неудачником был, и клялся вести себя поскромнее. «Эй, мистер, – спросила девочка, когда я уходил, – как вы считаете, я увижу призрака?» «Скорее всего, – повернулся и ответил ей я. – Мир переполнен гораздо большим количеством занимательных феноменов, чем ты думаешь. Могу тебе это гарантировать. Ты можешь столкнуться с чем-то более необычным, пока будешь искать духов». «…Спасибо. Если вы так говорите, я продолжу этим заниматься чуть дольше». Она улыбнулась, или я просто так решил. «Уже поздно, будь осторожна», – предупредил я её и вышел из леса.

Возвращаясь по дороге обратно, я заметил несколько зелёных огоньков, мерцающих близ ирригационного канала. Не знаю, могут ли светодиоды светиться ровнее светлячка. Никакое декоративное освещение не может загораться и потухать так естественно. Я остановился и наблюдал за этими сказочными бледно-зелёными переливами, не чувствуя усталости. Я забыл упомянуть это, разговаривая с сестрой Ядомуры, но честно говоря, я тоже бродил по побережью в поисках… не призраков, конечно, но кое-чего другого. Это началось после странного происшествия на пляже. Было лето, мне исполнилось семь лет. Я пошёл с приятелем на пляж и босиком бегал у воды, как и всегда. Мне нравилось наступать на влажный песок после того, как волна откатила, поэтому я занимался этим столько, сколько мог, пока меня не останавливали. Тем временем моему приятелю надоела эта простенькая игра, и он стал искать себе новое развлечение. Он закатал штаны до колен и пошёл прямо в море. Я последовал за ним, особо не задумываясь. «Хочешь узнать, как далеко мы сможем зайти? – спросил он. – Даже если мы промокнем, при такой погоде мы высохнем быстрее, чем вернёмся домой». «Звучит прикольно», – согласился я. Мы кинули свои сандалии на

берег и осторожно зашагали в океан. Небо было до умопомрачения ясным. Песок весь высох, океан отливал белым, и далеко, прямо у линии горизонта, виднелись облака, похожие формой на "Большую волну в Канагаве" (2). И как только вода стала доставать мне до груди, стоять стало очень трудно. Даже если я и мог достать стопами до песка, любая волна могла оторвать их от него. Нам следовало бы повернуть назад прямо там, но мы, ещё не приученные бояться моря, оптимистично полагали, что если всё станет слишком плохо, то мы вернёмся по своим следам. Это произошло в мгновение. Дно внезапно ушло вниз, и мои ноги потеряли опору. Когда я осознал опасность, было уже поздно: моё тело уносило в открытое море. Я попытался встать на цыпочки и вернуться на берег, но только продолжил двигаться в направлении, обратном желаемому. К тому моменту, как вода достигла рта, мои мысли опустошил ужас. Я старался плыть назад, но, когда бы ни останавливался, чтобы вдохнуть, глотал воду и только сильнее начинал паниковать. Я знал, что, когда тонешь, нужно всплыть лицом вверх и ждать помощи, но эти знания куда-то испарились, когда я в самом деле начал тонуть. Не имея возможности отыскать нужный путь, я бился в воде, только усугубляя ситуацию. Я уже начал думать, что мне не хватит воздуха, чтобы выжить, как внезапно меня за запястье схватила рука и с невообразимой силищей потянула. Конечно, мне, скорее всего, это просто привиделось от страха, а на деле я просто запутался в каких-нибудь водорослях или типа того. Но тогда я не мог судить трезво. Меня определённо кто-то хочет утащить в море, содрогнулся я, однако у меня не было сил выскользнуть. Впервые в своей жизни я познал, что такое близость смерти. Странно то, что стоило мне осознать это, чувства ужаса и раскаяния ослабли. Осталась лишь покорность. Я ощутил, что теперь я постиг истинное значение слова "непоправимый". Мне захотелось узнать, кто же держит моё запястье, и я попытался схватить его в ответ. Но там ничего не было. Я даже не понял, как рука, сжимающая меня, исчезла. И тогда мои пальцы коснулись земли. Я медленно поднялся и обнаружил, что нахожусь на отмели, где вода не доходила мне даже до пояса. Я услышал чаек. Где-то вдалеке мой приятель звал меня. Былой ужас будто рукой сняло: это обыкновенный спокойный день. Я немного постоял, глядя на запястье, которое недавно кто-то держал. Во мне пробудился запоздалый страх. Пульс участился, тело затряслось. Я помчался на берег, рухнул на сухой песок и стал ждать, пока судороги пройдут. На следующий день я пришёл к выводу по поводу того чуда, что произошло на пляже. Тогда меня спасла русалка.

После этого я ежедневно приходил смотреть на море. Вероятно, я считал, что если буду так делать, то встречу ту, что спасла меня. Или, может, я не мог забыть тех острых ощущений, связанных с нахождением на грани смерти. Я подчистую забыл, о чём тогда думал семилетний я. День за днём я наведывался на берег, однако, естественно, никакой русалки не видел. Постепенно моя первоначальная цель перестала быть такой значимой – я забыл о русалке, и у меня осталась только привычка ходить на пляж. Да, я долго не вспоминал об этом, но мои походы к морю вытекали из давней надежды найти русалку.

□

На следующий день я встретился с Чигусой на площади около станции. Я пообещал составить ей компанию, когда она будет репетировать для летнего фестиваля Минагисы. Несмотря на то что уже прошла половина летних каникул, она усердно соблюдала идиотское школьное правило и пришла на место встречи в школьной форме. В Минагисе условия магазинов и помещений, где можно просто посидеть и расслабиться, весьма скудны, и больше половины из них под завязку забиты отдыхающими школьниками, поэтому мы неохотно организовали привал в супермаркете. В одном углу несколько старшеклассников занимались армреслингом за сок в качестве приза, а в другом две старшеклассницы ели мороженое и сплетничали о своих бесхребетных ухажёрах. Прислушиваясь к мелодичному голосу Чигусы, я раздумывал, где смогу наиболее удачно поспрашивать. Где будет много выпускниц

Средней школы Митсубы. Первым и самым очевидным вариантом была Страшая Митсубы. Митсуба соединяла в себе среднюю и старшую школы, и бóльшая часть выпускниц поступала в неё же. Если я отправлюсь туда, то наверняка встречу тех, кто знал Хаджикано. Если у вас возник вопрос, почему я не пошёл туда в первую очередь – а вы будете правы, если возникнет, – я отвечу, что просто это слишком далеко. Хаджикано поступила в Среднюю Митсубы потому, что переехала в дом к бабушке по маминой линии. До туда от Минагисы час на поезде. Если по существу, мне хотелось уладить всё здесь, если смогу, но это не представлялось возможным. Видимо, завтра утром я буду собираться в Старшую школу Митсубы, чтобы поспрашивать там.

Но проблема в том, что будет выглядеть немного подозрительно, если я появлюсь в этой привилегированной школе для девочек сам. С тех пор, как туда стали приходить люди посмотреть, какого "сорта" девчонки в Митсубе, в ней стали особенно суровы по отношению к чужакам, выставляя охрану следить за главными воротами. Парень с другой школы окажется целью номер один, которую стоит сторониться. «…И тогда девушка оборвала все связи с русалкой и человеком и осталась на морском дне, время от времени вспоминая о минувшем и рыдая, – Чигуса оторвалась от сценария. –…Конец. Фукамачи, ты слушаешь?» «Да, конечно, – подтвердил я и зааплодировал ей, дабы скрыть свою невнимательность, – Я прямо-таки втянулся. Это потрясающе. Ты можешь без проблем прямо сейчас взять и подняться на сцену».

«Спасибо тебе огромное, – рассмеялась Чигуса, потряхивая плечами, – но похвали меня ещё, пожалуйста». «Не будет лестью, если я скажу, что твой голос в разы прекрасней, чем у ребят из клуба радиовещания». «Я ликую в душе». «Это здорово, – кривовато улыбнулся я. – Кстати, а тебе не нужно повторить песню?» «Я уже повторяла. Но пусть так, я ещё не готова к тому, чтобы люди это слышали. И я не собираюсь позволить её услышать до выступления». «Почему?» Чигуса склонила голову и промямлила: «Потому что это смущает». Трижды перечитав сценарий, мы решили сделать перерыв. Мы купили сок в автомате и, вернувшись к столику, обнаружили, что рядом с нами ухахатываются четыре безвкусно одетых светловолосых мужика. «Давай сменим дислокацию», – предложил я, и Чигуса кивнула. Я бегло глянул на её лицо. Она сверлила тех парней ужасающе холодным взглядом. Я ощутил себя неловко, лишь представив себе, что бы она обо мне подумала, если бы узнала, что раньше я был одним из таких людей. Наверняка она смотрела бы на меня так же равнодушно, разве нет? Мы закончили повторять и решили прогуляться по тропинке у реки. Я случайно посмотрел на другой её берег и увидел в закатном свете силуэты детей, поднимающихся на холм, и провода, протянутые меж столбов линии электропередач, которые отпечатались на небе искажённой музыкальной партитурой. Внезапно в моей голове возник план. Я остановился и величаво произнёс: «Эй, Огиэ». «Да, – решительно повернулась ко мне Чигуса, широко улыбаясь, – что такое?» «Ты не против, если я попрошу у тебя кое-что странное?» «Попросишь у меня что-то? – Чигуса смущённо отвела от меня глаза и уставилась на кончики волос, струившихся по её груди. – Да, конечно». «По правде говоря, у меня есть одна важная просьба к тебе». «А?.. – она выпрямилась с застывшим лицом. – Просьба?» «Но только если у тебя найдётся время». «Найдётся», – ответила она, ни о чём более не спросив. «Спасибо. Видишь ли, завтра я планирую съездить в Старшую школу Митсубы и хочу, чтобы ты поехала со мной». «В Старшую Митсубы? – Чигуса выглядела полностью обескураженной. – Гмм, конечно, я составлю тебе компанию… но что ты там забыл?» Я обобщённо объяснил ей всё. О том, что моя одноклассница Юи Хаджикано была мне другом в начальной школе; о том, что сейчас она выглядит подавленной (естественно я не упомянул про попытку суицида) и что причина этого всё ещё неясна; а также о том, что её бывшие одноклассницы со средней школы могут об этом что-то знать.

«Понятно, – кивнула Чигуса. – Вполне достойная цель». «Вчера я прошёлся по Минагисе, но нашёл только одну выпускницу Средней Митсубы. Скорее всего, бесполезно искать где-то, помимо Старшей Митсубы, верно?» «Вообще-то, ты ошибаешься», – произнесла она, серьёзно посмотрев на меня. «О чём ты?», – спросил я её. «О том, Фукамачи, что тебе не нужно преодолевать весь этот путь до Старшей Митсубы, – ответила

она. – Чтоб ты знал, выпускница Средней Митсубы стоит прямо перед тобой. Мало того, на третьем году она ещё и была в одном классе с Хаджикано». Как только она сказала мне это, я понял, что это не так уж и необычно. Мне в самом деле следовало сперва спросить её. Если в Старшей школе Минагисы я кого и знал, кто напоминал о Митсубе, так это только Чигусу Огиэ. «Ладно, Огиэ, ты знаешь, почему Хаджикано перестала…» «Может и знаю, – перебила она, заговорив так, будто хотела поскорее от этого отделаться, – однако рассказать об этом не могу». Проигнорировав мои слова, Чигуса твёрдо объяснила: «В конце концов, Хаджикано даже родителям об этом не сказала, верно я говорю? Я просто не могу разбазаривать то, что она так хотела скрыть». «Ты полностью права, Огиэ, – произнёс я спустя пару мгновений. – Пусть так, но вот что я думаю: может, оставлять всё в секрете – для Хаджикано тяжёлое бремя. Что если обязанность нести его в одиночку, никому не рассказывая, и давит на неё сильнее всего? Поэтому-то я и должен знать». «…Возможно, грубовато об этом спрашивать, но… – Чигуса понизила голос, – как тебе кажется, Фукамачи, как далеко ты сможешь зайти ради неё?» «Давным-давно она помогла мне. Я хочу отплатить ей тем же». Чигуса повесила голову и задумалась. «Понятно, – сказала она, выпрямившись. – Но ты никому не должен об этом рассказывать. Если это возможно, действуй так, будто ты о ней ничего не знаешь». «Приму к сведению. Спасибо». «И ещё… – сказала она с полуулыбкой на лице, – я хочу попросить тебя кое о чём взамен». «О чём?» «Ещё не решила. Я подумаю», – повеселела она. Высокие подсолнухи, растущие на поле и освещаемые заходящим солнцем, бросали на дорогу свои тени. Их бесчисленные почерневшие головы, словно огромные глаза, смотрели на запад. Подсолнухи следуют за солнцем, только пока растут. Лишь их цветки раскрываются, они перестают двигаться, и только гнутся к земле, как бы кланяясь, когда вызревают семена. После активных поисков непостоянного света они увядают, уставившись себе под ноги. Это будто аллегория на людей, думаю я каждый раз, когда их вижу. Чигуса стала рассказывать медленно, подбирая слова: «Возможно, я местами говорила самонадеянно, но, по правде, мне не так много известно. Все мои одноклассницы рассказали бы то же самое. Уверена, они знают не больше моего». Я кивнул и попросил её продолжать. «Ты, должно быть, уже знаешь, что родимое пятно появилось на лице у Хаджикано зимой её второго года средней школы. Сперва оно было маленьким, словно крупинка, однако с течением времени оно росло, увеличившись до текущего размера меньше, чем за месяц. Сама Хаджикано действовала так, будто оно её нисколько не отягощало, но это изменение во многом повлияло на её окружение. Кто-то жалел её, но были и те, кто смеялся и говорил, что это послужит ей уроком, а кто-то просто оплакивал её потерянную красоту. Но я верю, что в большинстве своём люди ей сочувствовали». Тут Чигуса прервалась. «Фукамачи, вероятно, тебе хочется знать, не повлекло ли за собой появление той родинки издевательства в девчачьей школе?» «…Разве нет?» Она покачала головой: «Хаджикано оставалась такой же, как прежде, по крайней мере, до июля следующего года. До этого у неё была потрясающая внешность, и – хотя в том нет её вины – она была в своём роде неприступна. Но, возможно, потому, что появившаяся родинка немного поубавила это, её только сильнее полюбили одноклассницы. Насколько я знаю, над ней никогда не издевались». Чигуса говорила так, что я не мог обвинить её в предвзятости. Она будто бы пыталась посвятить меня в реальные факты жизни Хаджикано, настолько близко к "общепринятой точке зрения", насколько то было возможно. Наверняка она чувствовала себя виноватой, обсуждая её у неё за спиной. «Итак, – произнесла она, подходя к главной теме. Я подготовился к худшему, – я не помню точной даты, но это случилось прямо перед летними каникулами, а значит, скорее всего, в середине июля прошлого года. Хаджикано не появлялась в школе четыре дня подряд. Когда же она снова вернулась, я осознала, что эта Хаджикано не та, что была прежде». «На этом мой рассказ окончен, – сказала Чигуса. – Никто не знает, что произошло за эти четыре дня. Во всяком случае, нечто за столь короткий отрезок времени полностью переменило её. Она не говорила со своими подругами, не смотрела никому в глаза, и, только закончились каникулы и начался новый

триместр, она стала систематически пропускать уроки. Вскоре по школе стали ходить разнообразные слухи и догадки, но в конечном счёте никаких фактов, что звучали бы убедительно, так и не появилось». Закончив, Чигуса вздохнула и бросила на меня сочувствующий взгляд, не зная, что ещё сказать. «Мои извинения, кажется, я только больше тебя запутала. …Однако, если ты поспрашиваешь в Старшей школе Митсубы, наверняка ничего кроме этого не услышишь». «Нет, этого хватит. Спасибо». Я поднял глаза к небу. Ничего из того, что я обнаружил, не привело меня к решению, и загадок стало только больше. Ещё долго после мы шли в тишине. У меня было, о чём подумать, и Чигуса, должно быть, тоже думала о чём-то своём. Когда мысли в моей голове разложились по полочкам, она открыла рот: «Мой дом совсем рядом, так что…» Прежде, чем я смог это заметить, воздух наполнился свежестью. Мы достаточно близко подошли к морю. «Мы и так далеко ушли. Огромное тебе спасибо за сегодня», – она низко склонила голову. «Да, если подумать, мы и правда проделали длинный путь, – сказал я, задумавшись о том, сколько мы прошли. – Ты не устала, Огиэ?» «Я в порядке. Мне нравится гулять, как видишь».

«Мне тоже. Спасибо за сегодня. Увидимся». «Да, поскорее бы». Чигуса повернулась ко мне спиной и зашагала прочь. Но вскоре она остановилась, повернулась и позвала: «Фукамачи!» «Сегодня ты поступил со мной жестоко. Ты хоть понимаешь?» «Жестоко?» – переспросил я. Чигуса широко улыбнулась: «Шучу. До свидания». Тогда я не задумывался, почему я "поступил с ней жестоко". Я решил, что это просто бессмысленная шутка и моментально забыл о ней. Если бы я отнёсся к этому более спокойно и рассудительно, то, скорее всего, смог бы легко понять смысл её слов. Но моя голова была забита Хаджикано, и я не мог даже представить себе возможность, что кто-то пытается мне намекнуть о своём хорошем расположении. Жестокость не так часто бывает осознанной, гораздо чаще люди её проявляют по невнимательности.

Той ночью я снова посетил гостиницу Масукава. Последние несколько дней я старался не ходить за Хаджикано от самого её дома, а ожидал уже на развалинах. Даже если на улице моросило или было безветренно и душно, она не ходила никуда, кроме этого места. Раз уж я это знал, необязательно было рисковать, преследуя её. Я уже давно достиг своей первоначальной цели узнать, почему она ночами уходит из дома, и чуть лучше стал понимать её. Если по существу, то ей просто нравилось смотреть на звёзды с развалин гостиницы. Пытаться выудить из её действий больше смысла было бесполезно, но я всё ещё продолжал следовать за ней по ночам. В первую очередь мне нужно было узнать, что произошло за те "непонятные четыре дня", о которых поведала мне Чигуса. Но косвенных способов добычи информации вроде преследования и опрашивания всех вокруг было недостаточно, ибо они остались непостижимой загадкой даже для Чигусы, которая была достаточно близка Хаждикано. Я не мог придумать ничего получше, чем просто прямо спросить её об этом… Хотя и осознавал, что, скорее всего, на это неспособен, потому как хочу вечно тайком смотреть, как она наблюдает за звёздами. Следующим утром… Хотелось бы мне так сказать, но на деле был уже почти полдень. Просто со своими походами на развалины я перешёл на ночной образ жизни: стал засыпать под утро и просыпаться в полдень. Меня разбудил телефон. Его перезвон в пустом доме вызвал у меня ложное чувство, будто бы это звонит будильник, чтобы отправить меня в школу, хотя у меня выходной. Я не спеша спустился по лестнице, не беспокоясь о том, что могу не успеть, и ответил на звонок. Это была не женщина. «Алло, это Фукамачи?» Это мой учитель, Касай. Как бы поласковей… не лучший голос, который я мог услышать сразу после пробуждения. Я уже раскаялся в том, что не проигнорировал его и не продолжил сладко спать. «Извини, что так внезапно, но не мог бы ты прийти сейчас в школу?» Расположение Касая было не таким, как обычно. Казалось,

будто между нами увеличилось расстояние, будто бы он отступил на шаг назад. Это был не тот Касай, которому было ко мне дело, а кто-то другой. «Понял, – сонно ответил я. Я хотел спросить, почему мне позвонили, но его тон намекал мне, что он не желает выслушивать никаких вопросов, – приду, как только буду готов». «Хорошо. Тогда до свидания». И звонок завершился. Я принял душ, надел форму, позавтракал ломтиками лосося и супом мисо с вакамэ (3), слушая радио, и ушёл из дома, почти ничего с собой не взяв. Синоптики обещали обычный день для разгара лета, и яркое солнце жгло мою кожу. В учительской Старшей Минагисы было оживлённо даже несмотря на жару, поэтому в этом непроветриваемом кабинете было столь же жарко, как и на улице. Учителя, обращённые к своим столам с измученным видом, и цветы около подоконника единственные проявляли признаки жизни.

Касай ждал меня снаружи. Он привёл меня по просьбе другого преподавателя. Меня звал Эндоу, завуч по воспитательной работе. Он выглядел обескураживающее – гигантская дочерна загорелая туша с посаженной на неё гладко выбритой головой, за что он получил множество прозвищ среди учеников, но никто ими его не называл в его присутствии. Эндоу не только раздражали самые незначительные проступки, но также его ужасно боялись: раз в несколько дней он отчитывал опоздавших и заставлял их становиться на колени и извиняться, или кричал на девочек, чьи юбки были чуть короче нормы, доводя тех до слёз. Возможно, такой человек действительно нужен в школе, но его определённо хотелось по возможности избегать.

Касай вернулся к своему столу, а Эндоу посмотрел на меня так, будто я был неодушевлённым предметом. Хотя пора было уже начинать разговор, задавать вопросы было строго под запретом. Учителя вроде него ненавидят тех, кто заговаривает самостоятельно чаще, чем требуется. «Ёсуке Фукамачи», – холодно прочитал Эндоу, уставившись в бумаги на своём столе. Затем он повернулся на стуле, уставился на меня и грозно заговорил: «Чем ты занимался вчера поздно ночью?» Меня не впервые спрашивали о чём-то подобные учителя-деспоты. В средней школе меня вызывали в учительскую десятки раз, так что отношение Эндоу ко мне могло даже вызвать в голове гору воспоминаний. Могу уверить, что он был готов закричать на меня. Может, у него даже есть достойный повод для этого. Я предположил, что, должно быть, Эндоу вызвал меня, чтобы отругать за поход на развалины. Всё из-за того, что я, старшеклассник, еженощно там шныряю? «Я выходил на улицу прогуляться», – сперва ответил я ему. Лгать было бесполезно, но раскрываться, не узнав, как много ему известно, также не значило повести себя мудро. «Ты осведомлён, что по закону юношам не позволяется выходить на улицу позже 11-ти вечера без сопровождения, ведь так?»

«Да». «Тогда почему ты решил пойти погулять?» Мне хотелось сказать: «Разве тут возможны какие-то другие ответы помимо: "Потому что я хотел погулять"?» – но я проглотил эти слова. Мне не оставалось выбора кроме как повесить голову и молча стоять. Эндоу заговорил раньше, чем я ожидал: «Но отложим это. Вот главный вопрос: знаешь ли ты о разрушенной гостинице у подножия горы?» «Вы имеете в виду гостиницу Масукава?»

«Именно. Прошлой ночью там был пожар». Вдруг по моей спине пробежал холодок. Но вспомнив всё, что я видел прошлой ночью с того момента, как мы с Хаджикано пришли и ушли оттуда, я вздохнул с облегчением. Вероятнее всего, Эндоу говорит о чём-то, что произошло после того, как мы покинули это место. «Он был не особо крупным, – продолжил он, – но ещё чуть-чуть, и он мог бы перекинуться на всю гору». «То есть, если вкратце, – перебил я, желая, чтобы это поскорее закончилось, – вы подозреваете, что причина его – я?» Эндоу с раздражением посмотрел на меня: «Этим утром нас известили, что во время пожара школьник из окна своего дома видел проходящего мимо юношу. По счастливой случайности, он также узнал в нём Ёсуке Фукамачи. Поэтому тебя сюда и вызвали. …Посему спрошу тебя снова. Что ты делал прошлой ночью?» Я промедлил с ответом. В первую очередь я решил не упоминать Хаджикано. Мне придётся отвечать за любое сомнительное высказывание, но я не хотел вовлекать её в это. Но если я скажу: «Я пошёл на развалины, чтобы посмотреть на звёзды», – разве Эндоу мне поверит? Без сомнений, он начнёт только пуще меня подозревать.

Он постучал по столу кулаком, поторапливая меня, пока я искал подходящий способ

отступления: «Что такое? Почему ты не можешь объясниться? Ты не можешь о чём-то мне рассказать?» В такие моменты нужно ограничить себя лишь одной ложью. Исходя из своего опыта, могу сказать, что если солгать два раза или больше, то вырыть себе яму будет в разы проще. А если я могу солгать лишь единожды, то этой ложью я скрою присутствие Хаджикано в том месте. И только я начал говорить: «Да, той ночью я…» – внезапно кто-то перебил меня. «Он ходил со мной посмотреть на звёзды». Я и Эндоу одновременно обернулись на этот голос. Сначала я обратил внимание на тёмно-синее родимое пятно в пол-лица. Если подумать, я впервые увидел его в дневном свете. «Уверена, поджог произошёл после нашего ухода, – спокойно произнесла Хаджикано. – Можете проверить: просто внимательнее рассмотрите показания свидетеля и сравните со временем возникновения пожара». На вопрос, что она тут забыла, сполна ответила папка размера А4 в её руках. Вероятно, Касай позвал её, чтобы отдать задания и распечатки с тех уроков, которые она пропустила.

Школьная форма на Хаджикано для Касая, возможно, и была привычным зрелищем, но для меня же совершенно нова. Прежде эта ничем не примечательная матроска казалась мне совершенно обычной, но стоило Хаджикано надеть её, она тут же приобрела некоторый оттенок потустороннего, примерно таким ж образом, как искусный игрок может полностью переменить звучание инструмента. Эндоу взглянул на место, где было родимое пятно, затем окинул взглядом всё тело, и после снова вернулся к пятну. Я же украдкой поглядывал на чистую сторону её лица. Та плачущая родинка осталась на своём месте. Она была слишком мала, чтобы определить, настоящая она или нет. «Имя? – в попытке утвердиться, что он здесь главный, произнёс Эндоу, беря в руки ручку и открывая свою измятую тетрадь. – Ясно, что первогодка. Класс?» «Юи Хаджикано. Класс 1-3, как и его». Эндоу умолк и ненадолго задумался, не выпуская ручки, вероятно не зная иероглифов "Хаджикано", и написал её фамилию на катакане (3). «Ещё один нарушитель, значит, – фыркнул он и закрыл тетрадь. – Так зачем ты там была?» «Я ходила смотреть на звёзды, – незамедлительно ответила Хаджикано. – Там слабое освещение, поэтому оттуда открывается идеальный обзор». «Тебе нравятся звёзды?» «Больше, чем что-либо другое». «Было прошлой ночью что-нибудь занимательное?» – спросил он, словно проверяя её. Она немного задумалась. «С часу до двух я наблюдала звездопад. Думаю, за час пролетело порядка тридцати метеоров». «Ого. Что-нибудь ещё?» «Кажется, поток был не один. Там было два или три источника». «Никаких "кажется". Это были потоки со стороны Йоты и Дельты Водолея, а также со стороны Альфы Козерога, – невозмутимо заметил Эндоу. – Если точнее, потоки Дельта и Йота делятся на северные и южные, NDA, SDA, NIA и SIA соответственно. Их источники расположены близко, так что их сложно обособить, но они всё равно разные. Особенно выделяется SDA, – он разошёлся так, будто это было пустячное дело. – Раз уж нравятся звёзды, стоит выучить это». Я непроизвольно посмотрел на их лица. Они ничего не выражали, но между Эндоу и Хаджикано ощущалась враждебная аура. «Не похоже, что ты лжёшь насчёт того, что ходила смотреть на звёзды». После, потеряв интерес, он повернулся обратно к своему столу и помахал рукой, как бы выгоняя нас. Похоже, он не собирался наказывать нас за нахождение на улице в поздний час. В недоумении я вышел из учительской вместе с Хаджикано. Сзади до нас донеслось: «Скоро будут Персеиды (4), не пропусти!» Звездопад. Так вот почему прошлой ночью Хаджикано лежала лицом вверх.

Но я не заметил ни единой падающей звезды. Тогда в моём поле зрения было кое-что более значимое, чем ночное небо. Как только мы покинули кабинет, прежде всего я поблагодарил Хаждикано. «Ты спасла меня». Так и не посмотрев на меня, она пошла прочь. Обычно на этом моменте я бы занервничал, но то, что она только что вытащила меня из затруднительного положения, подтолкнуло меня. «Так ты видела, что я преследую тебя. Почему ты ничего не сказала?» Хаджикано остановилась и открыла рот, чтобы что-то сказать, но потом передумала и продолжила идти. «Мне плохо оттого, что мне приходится в тайне следить за тобой. Твоё расстройство не бессмысленно, однако я переживал с того происшествия в парке, что ты снова выкинешь что-нибудь "забавное"». Думаю, вместо того,

чтобы так бесстыдно оправдываться, лучше бы я был честен и сказал что-нибудь вроде: «Мне нравится, как ты поёшь, поэтому я продолжал ходить за тобой, чтобы снова услышать твоё пение». Но меня волновало только то, как бы мне избежать недопонимания и показать свои добрые намерения, откладывая то, что мне действительно хотелось ей сказать. Если бы это было возможно, мне хотелось объяснить ей, почему исчезла моя родинка. Сказать, что с четвёртого класса я буквально заболел ей и постоянно думал, что, если бы не этот синяк, она бы обратила ко мне свой взор; что однажды мне позвонила загадочная женщина и предложила сделку в стиле "Русалочки": моя родинка исчезнет, но если я не добьюсь от неё взаимных чувств, то обращусь в морскую пену… Эх. Да кто поверит в эту нелепую историю? Даже если она примет её, в зависимости от того, как она её поймёт, ей может показаться, что я выставил себя жертвой, чтобы заставить её полюбить себя. С её стороны это может восприняться как: «Или ты меня полюбишь, или я умру». Мне не хотелось требовать её благосклонности, подставляя нож к своему горлу. Хаджикано посмотрела в мою сторону, глубоко вздохнув, и, будто бы исчерпав своё терпение, наконец сказала. «…Я знаю, что ты очень стараешься ради меня, Ёсуке». Некоторое время она шла в тишине и подбирала слова. Я же в ожидании сжимал губы. «Поэтому я хочу честно выразить своё отношение».

Она недвусмысленно посмотрела на меня и произнесла: «Более не тревожься так обо мне, это раздражает». Хаджикано повернулась ко мне спиной и побежала. Я быстро схватил её за руку и задал свой последний вопрос. «Я слышал от выпускницы Средней школы Митсубы о твоей учёбе там». Наши лица были настолько близко, что я видел, как расширяются её зрачки. «Что произошло за те четыре дня прошлым летом?» Это был довольно рискованный поступок. Вообще я хотел спросить об этом осторожно только после того, как медленно освобожу её сердце от тревог и уберу как можно больше препятствий. Вываливая сейчас всю суть, я могу не только не получить ответ, но и сделать её ещё более подозрительной. Но у меня закончились варианты. В любом случае, этот вопрос, кажется, её встряхнул. Другой возможности поговорить об этом, скорее всего, и не выдалось бы. В конце концов, этот вопрос заставил её проявить нечто, похожее на эмоции. Однако одни из худших. «…Почему бы тебе просто не оставить меня в покое?!» Она мигнула пару-тройку раз, пытаясь сдержаться, но по щеке всё равно покатилась слезинка. Сразу после этого её будто прорвало: слеза за слёзой стекала по её лицу. Она отвернулась, пряча от меня лицо и вытирая щёки руками. Казалось, эти слёзы её саму сбили толку. Я смотрел на это и полнился виной. Я будто стал самым ужасным негодяем в тот момент. Мне подумалось, что, сколько бы я ни бился, всё, что я могу – только причинять ей боль. Хаджикано ушла, словно сбегая от меня, и я не пошёл за ней. Она осознавала, что я стараюсь ради неё и солгала, чтобы на меня не навесили ложных обвинений. Я чётко удостоверился, та Юи Хаджикано, которую я любил, до сих пор живёт внутри неё. Она посмотрела мне в лицо и изо всех сил постаралась быть честной. А затем отвергла меня. Что ещё я мог сделать?

Будь я чуть спокойней, может, я бы не пропустил, как размывается от слёз её плачущая родинка. Может, я бы заметил, что, вытирая лицо, она смазала то пятнышко, нарисованное стирающимся маркером. Но этого не произошло. Я не смотрел прямо на неё, пока она плакала. Если бы я вглядывался в её лицо дольше пяти секунд, я бы сошёл с ума. Меня настолько выбило из колеи, что родинка совершенно выпала у меня из головы. Касай окликнул меня, пока я застыл там, в коридоре. Он вышел из учительской, увидел меня и поманил обратно тихим: «Фукамачи». Я стоял у его стола и с безразличным выражением лица его слушал. «Сперва я должен за кое-что извиниться. Я разведал про ваши с Хаджикано отношения в начальной школе». Он наклонился ко мне: «Видимо, вы всё же были хорошими друзьями, как ты и сказал. Прости за то, что сомневался в тебе». Я апатично покачал головой: «На вашем месте я относился бы к себе столь же подозрительно».

Он достал носовой платок, чтобы вытереть пот со лба, и убрал обратно. Затем поджал губы, вдохнул, затем скрестил руки и откинулся на стуле. «Я осторожно наблюдал за тобой минувшие три недели. Без веских на то оснований я ждал, что однажды ты ошибёшься и

покажешь свою истинную натуру. И я пришёл к выводу, что ты не из тех людей, что могут стать причиной сильного недовольства. …Поэтому теперь я всё меньше и меньше уверен в этом. Почему Хаджикано сказала, что не хочет учиться с тобой в одной школе и что ненавидит тебя так, что не в силах вытерпеть? Но тогда зачем она вмешалась в твой разговор с Эндоу и протянула тебе спасительную соломинку? И вообще, почему она перешла в нашу школу из Митсубы? Слишком много неясностей». Как мне показалось, он не ждал от меня ответов на эти вопросы, потому я просто кивнул в ответ. «И даже если мы получим ответы, уже слишком поздно. Не думаю, что ты, Фукамачи, в этом замешан, не теперь. В любом случае, всё решено. Я сообщу всем после летних каникул, но тебе скажу заранее». «О чём вы говорите?» «Хаджикано уходит из Первой старшей школы Минагисы». По словам Касая, Хаджикано приходила сегодня в учительскую заполнить документы для перевода. Её мать тоже здесь была до меня. Я пришёл, когда они уже хотели попрощаться, всё обсудив. Касай покинул своё место, чтобы сопроводить меня к Эндоу, и Хаджикано ожидала его возвращения. После того, как он вернулся и беседа состоялась, она уже собиралась уходить, но заметила, что меня расспрашивает Эндоу, и, колеблясь, пришла ко мне на помощь. Я поблагодарил Касая и ушёл, после чего долго шатался около школы без цели. Под тёмно-синим сумеречным небом всё казалось особенно тусклым. Перед моим взором то появлялось, то исчезло плачущее лицо Хаджикано, и каждый раз я чувствовал, что весь мой решительный настрой медленно но верно уходит. Чем усерднее я пытаюсь поспеть за ней, тем дальше она от меня убегает. И теперь она решила уйти далеко-далеко. Не знаю, куда, но явно туда, куда мне ходу нет. Каково это – превращаться в пену? Я представил. Скорее всего, это не больно. Грань существования становится тонкой и размытой, постепенно растворяясь в волнах. Я чувствовал, что нет более подходящего способа умереть для человека, потерявшего свою любовь и потому находящегося в глубинах отчаяния. На тот момент я, конечно, не так реалистично воображал свою смерть. Только через полмесяца я увижу, как человек растворяется в пене.

Идти сразу домой не хотелось, поэтому я прошёл мимо своего дома. Ноги оживлённо несли меня куда-то. Моё бесцельное блуждание мимо перекрытой улицы по длинному холму, утыканному барами и закусочными, завершилось неожиданной встречей. Пока я рассматривал бумажные фонарики, освещающие яркие и безвкусные вывески магазинов, мне показалось, будто меня кто-то позвал. Я огляделся, но никого, а тем более говорившего, не увидел. И только я решил, что это были голоса из какого-то магазина, я чётко услышал, как кто-то прокричал моё имя. Я посмотрел вверх и встретился взглядом кое с кем, кто глядел на меня с веранды второго этажа одного из баров. Хинохара сказал ждать здесь и ушёл внутрь. Пару мгновений спустя свет наверху погас. Я сел на бордюр и стал ждать, пока он спустится.

Юуя Хинохара был моим другом в средней школе. В ночь после выпускного, когда произошла стычка между без году неделя работниками и будущими старшеклассниками, он присутствовал там. Он, как и я, выступал со стороны старшеклассников. Хинохара пошёл в Южную старшую школу Минагисы, чуть менее уважаемую, чем Первая старшая, но он поступил туда просто потому, что ему было решительно всё равно, куда идти. Хотя он был гораздо умнее меня, он не стремился в Первую старшую Минагисы, потому что его волновало лишь то, чтобы до школы было недалеко добираться. Не мне, конечно, говорить, но Хинохара был странным парнем. Его оценки за контрольные обыкновенно были ниже среднего, но он поражал всех, в конце триместра получая 90% результат по всем предметам. Никто не подозревал его в жульничестве, и к концу его второго года учителя признали великую силу его дремлющих способностей. «Какая досада, – говорили они в унисон, – если бы он серьёзно подходил к занятиям, он был бы лучшим в классе». Хинохара – человек, который не был заинтересован в улучшении своих отметок или проявлении своего ученического потенциала –

лишь единожды поведал мне причину того, почему он мало что воспринимает всерьёз. «Я хочу, чтобы каждый прочувствовал этот вкус противоречия, – сказал он низким, гулким голосом. – Хочу, чтобы они узнали во всей полноте, что кто-то может вызубрить за три дня то, на что они потратили месяц». «То есть, ты просвещаешь их?» – спросил я. «Можно и так сказать. Если по существу… Давным-давно жила-была женщина среднего ума, думавшая, что она прекрасна. Однажды она встретила девушку настолько великолепную, что не смела сравнить себя с ней, и это так поразило её, что ей захотелось обойти весь мир и перебить все зеркала. И что же, ты думаешь, она сделала?» «Заставила красавицу съесть отравленное яблоко». «Тупица, – фыркнул он, – очевидно же, что она начала работать не только над тем, как она выглядит, потому что ей показали, что у неё есть конкурентка, которую она не сможет победить честно и справедливо. Я хочу помочь остальным понять это». Он был человеком, который мог произнести подобное, не дрогнув и мускулом на лице. Если действовать методом исключения, Хинохара был самым близким мне человеком в средней школе. Нам обоим не было интересно тусоваться с ЗОЖниками, но это определённо не значит, что мы чувствовали себя как дома в компании хулиганов. Где бы мы ни находились, нам казалось, что мы находимся не там, где надо. Вполне естественно, что это нас сблизило. По нашему молчаливому согласию я ничего не ждал от него, а он – ничего от меня. Мы объединились, чтобы вместе преодолевать школьные будни, скучные или порой доходящие до абсурда, и нас в самом деле радовало то, что мы были друг другу просто "приятелями". «Прости, что задержал, – услышал я Хинохару, а затем увидел, как он спускается по старым стальным ступеням у стены. Он был легко одет: выцветшая футболка, обрезанные джинсы, чёрные пляжные сандалии. Он подошёл ко мне и шутливо ударил кулаком мне в грудь. – Сколько лет, сколько зим. Всё хорошо?» «Средне», – я схватил его кулак и оттолкнул обратно. «Что с лицом? Куда делась родинка? Сделал операцию или что?» «Сама сошла. Монгольские пятна же проходят, когда вырастаешь». Он согнул руки в локтях и закинул за шею. «Печально. Я считаю, раньше было лучше. Можно сказать, что-то в этой родинке было клёвое».

«Спасибо, но теперь я живу обычной жизнью старшеклассника, и эта "клёвость" мне ни к чему». «Обычной жизнью? Ты?» – спросил Хинохара с подозрением во взгляде. «Да, совершенно обычной. Я с апреля никого не бил, и никто не бил меня. Даже не напивался в подсобке и не курил на аварийной лестнице. Просто мирная школьная жизнь, ничего такого».

Конечно, вполне так "обычная" жизнь, если опустить подробности, связанные с моим пари. Но вдаваться в объяснения Хинохаре надобности не возникало. Он воспримет это как какой-нибудь сложный прикол. «Наш Ёсуке Фукамачи наслаждается школьной жизнью, как нормальный человек…» – кажется, Хинохару это сильно впечатлило. «А ты как, Хинохара? Так же, как и всегда?» «Как бы объяснить… – сказал он, почесав лицо. – Ну, мне бы хотелось, чтобы ты тоже меня выслушал. Раз уж ты блуждаешь здесь в этот час, смею предположить, у тебя полно времени?» Не дожидаясь ответа, Хинохара сдвинулся с места. Я же, особо не задумываясь, последовал за ним. Он привёл меня на парковку перед комплексом многоэтажек, обнесённым высоким забором. Он не сказал, что это наша цель, и, казалось, просто завернул сюда, чтобы срезать путь, поэтому я не был начеку. Я слышал низкие голоса, доносящиеся из угла, но в этом городе школьники, шатающиеся ночью по улице, не были редкостью, и я не придал им особого значения. Когда же я понял, кто они, было уже слишком поздно. Хинохара подтолкнул меня в их сторону. Те четверо, что сидели на корточках и разговаривали, тут же посмотрели на меня и злобно заулыбались. «Этим парням не терпелось увидеться здесь с тобой, – сухо рассмеялся Хинохара. – Не думал, что просто так наткнусь на тебя. Ты избавил меня от поисков». Я почесал затылок и попытался вспомнить имена этих людей, которых я давненько не видел. …Слева направо: Инуи, Ногияма, Митаке и Харуэ. Эти четверо были теми почти что работниками времён драки в день выпускного. Я знал, что тот день стал причиной их недовольства. Весной они должны были как-нибудь позвать меня или просто подкараулить вне дома, но меня положили в больницу, и я так их и не увидел. С того дня прошло четыре месяца, поэтому я решил, что их гнев

поубавился. Но я недооценил то, как глубоко засела в них обида. Было бы понятно, если бы Хинохара также оказался их мишенью, но он, видимо, был на их стороне. Я предположил, что ему сказали, что пощадят его, если он приведёт меня. Хинохара был из тех людей, которые запросто сдадут друга, чтобы спасти собственную шкуру. Он был эгоистом, а может, просто равнодушным человеком. «Не виделись с самого выпускного, хах, – заговорил самый высокий из них, Ногияма. – Ходили слухи, что ты всё это время лежал в больнице». «Ага, я попал в аварию ночью после выпускного, как ушёл. Так что у меня были очень длинные весенние каникулы». Ногияма рассмеялся, а те трое вслед за ним. Кажется, отношения меду ними четырьмя не изменились. Как и во времена средней школы, Ногияма явно превосходил остальных. «Знаешь, что случится после?» – спросил он. «Не знаю. Может, мы пойдём и напьёмся, чтобы позабыть былое?» Ногияма вновь захохотал, а остальные поддержали. Хинохара остался безэмоционален, но я сомневался, что он заступится за меня. Такой уж он человек. Я остался один на один с этой проблемой. Ногияма взял металлическую биту у одного из своих приспешников и после нескольких пробных взмахов приблизился ко мне, подтолкнув её к моему подбородку. «Должно быть, ты рад, что получил такую длинную передышку, а? Я хочу своими ушами услышать, что ты слёг в больницу. Потому что, если счастливы мои друзья, счастлив и я. …Об этом вот я думаю. Как насчёт того, чтобы продлить и летние каникулы?» Он самодовольно усмехнулся, а оставшиеся трое загоготали. Я оценил ситуацию. Один против четырёх. Учитывая настрой Хинохары, один против пяти. У одного из них бита. Я не мог даже вообразить, что возможна моя победа. Будет лучше наплевать на свою гордость и убежать, но они уже приближаются, зажимая меня в углу парковки. Остаётся только подготовиться к худшему, подумал я. Сопротивляться по мере сил и положиться на удачу… Тогда-то и случилось это.

«Фукамачи?» Я не увидел её из-за спин стоящих передо мной парней, однако не сомневался насчёт того, кто это сказал. Ногияма медленно обернулся. Я ощутил, как мурашки пробежали у меня по спине. Чигуса, одетая в школьную форму, встревоженно смотрела на меня. Почему она на улице в такой час? Я перебрал все мысли у себя в голове и вспомнил, что мы договорились сегодня встретиться на летнем фестивале. А теперь о плохом. «Ясно», – произнёс Ногияма, будто бы что-то поняв. Он был достаточно проницателен, чтобы сразу сказать, какие у меня с ней отношения. Он повернулся обратно ко мне и улыбнулся, исказив лицо. Словно его прельщало то, что вот-вот должно было произойти. Ситуация переменилась. Не было времени колебаться. Действовать нужно было настолько быстро, насколько возможно. Появление Чигусы отвлекло их и застало врасплох, подарив мне один единственный шанс. Только Ногияма велел остальным: «Эй, расправьтесь с ней там», – я перешёл в атаку. Прицелившись в мгновение, когда он отвернулся от меня, я врезал ему по носу. Лишь он упал назад, я наступил на его запястье, отобрал биту, развернул её и ткнул ему прямо в солнечное сплетение. Он и так уже извивался, зажимая обеими руками нос, а это так вообще обездвижило его. Заслышав вопль Ногиямы, остальные трое, направлявшиеся к Чигусе, наконец заметили шевеление позади себя. Они рванулись и попытались напрыгнуть на меня, но я остановил их битой, а затем нанёс ещё один сильный удар Ногияме по голени. Он заорал от боли. Мне стало жаль его, но перспектива драки "все на одного" вроде этой вынуждала сперва обезвредить лидера. Чтобы сломить волю шестёрок, отделив их от главаря, нужно заставить их просто наблюдать. Поэтому я не должен колебаться.

Подняв взгляд, я увидел безучастно стоящую Чигусу. «Что ты творишь?! Убирайся оттуда!» – велел я ей, и она кивнула, но не сдвинулась ни на шаг. Может, она и рада была бы сбежать, но не могла. В завершение представления я пнул Ногияму в бок, а затем кинул биту в сторону тех троих, застывших в ужасе. Она громко ударилась об асфальт. Заметив, что никто не собирается её поднимать, я присел на корточки, глубоко вдохнул и посмотрел вверх. «Ну что, закончим на сегодня?» Я льстиво и слегка дерзко улыбнулся. Естественно, я просто блефовал. Если бы на меня разом накинулись все трое, я ничего не смог бы сделать. «Если вы не удовлетворены, можете бить меня этой битой, пока не полегчает. Тогда мы сможем

назвать это ничьей». Они переглянулись, затем посмотрели на свернувшегося и подрагивающего от боли Ногияму. Двое подняли его с земли и, не спуская с меня глаз, молча ушли. В конце остался один Хинохара. «А ты чего?» – спросил я его, почёсывая затылок.

«Да нет, ничего, – пожал он плечами. – Мне просто сказали привести тебя. …Чувак, ну и шоу ты тут устроил. Мне всегда нравилась твоя решимость». Хинохара взглянул на Чигусу. Она всё ещё стояла на том же месте, где я окликнул её. Он подошёл к ней, сказал: «Прости, что вовлекли тебя в это», – и удалился в противоположном направлении. Возможно, причина, по которой эти трое так просто сдались, связана с затяжным ожиданием того, что Хинохара придёт мне на помощь. Только он пропал из моего поля зрения, я тут же с облегчением осел на землю и закрыл глаза. Какая удача. Всё так гладко прошло, что казалось ничем иным, кроме как чудом. В следующий раз я определённо не буду вновь обыгрывать этот способ.

Когда же я открыл глаза, Чигуса смотрела на меня сверху вниз. Её глаза не выражали никаких эмоций. Словно она смотрела не на меня, а сквозь, будто бы рассматривая узор на заборе позади. «Кто эти люди?» – спросила она. «Друзья со средней школы», – честно ответил я. «Со средней школы, говоришь… Если подумать, я никогда не спрашивала, откуда ты перевёлся, Фукамачи». «Теперь ты можешь догадаться». Я рассмеялся, что странно. Каким-то сухим смехом. Ощущение удара по Ногияме всё ещё оставалось на моих пальцах. Я сжимал и разжимал ладонь, чтобы прогнать его, но это непристойное возбуждение не сходило так просто. «Из Средней школы Южной Минагисы. Как и гласят слухи, там полно никчёмных людей вроде меня и тех парней». Чигуса на мгновение задумалась. «Я пару раз слышала о тамошних учениках, которые собирались в руинах на окраинах. Это те твои знакомые?» «Не просто знакомые. Я был среди них». «Раз так, – заключила Чигуса без особого удивления, – значит, ты, Фукамачи, плохой человек». «Да, именно, – я приподнял уголки губ. – Больше нет вопросов?» «Никаких», – кивнула она. Я подумал, что теперь Чигуса тоже возненавидит меня. Этого невозможно избежать. Даже если бы я поступил так, чтобы защитить её, это без сомнений выглядело нагло и жестоко. Но, по существу, этого исхода я и хотел. Я непроизвольно жалел Чигусу Огиэ. И мне казалось, что она относится ко мне так же. Поэтому-то её ненависть ко мне казалась мне необходимой. 31-ое августа – так подумать, это последний день летних каникул. Если я не расшевелю сердце Хаджикано к тому времени, то превращусь в пену морскую. Если я как друг внезапно исчезну, Чигусу это как минимум опечалит. Чем крепче наши отношения, тем более острую боль она испытает.

Поэтому, прежде чем время истечёт, лучше бы, чтобы меня возненавидели. Если же к 31-му августа я существенным образом иссушу теплые чувства Чигусы ко мне, то тогда, даже если я обернусь пеной, её не будет разрывать на части. Может, она подумает что-то типа: «Мне следовало быть с ним милее», – но зато избежит значительных ран. Я всё пытался придумать, как мне разочаровать её. Так что, если рассматривать с этой стороны, Ногияма и его приспешники спасли меня. Не было более честного пути впасть Чигусе в немилость. Я доказал ей, что Ёсуке Фукамачи вовлечён в сомнительные заварушки и не чуждается жестокости, если до неё доходит. Чигуса наверняка станет презирать меня за это. И слава богу. Я вынул сигарету из кармана и поджёг. Я задержал вдох в лёгких, а затем медленно выпустил. Чугуса наблюдала за этим, и бровью не поведя. Когда же сигарета сантиметра на два обратилась в пепел, она разорвала молчание. «Что же, я решила насчёт моей "просьбы"». Я мигнул: «А, да. Я же пообещал». Я ошиблась в тебе. Прошу, не заговаривай больше со мной. Определённо, это она скажет, подумал я. «Фукамачи».

Чигуса вдруг расплылась в улыбке. «Пожалуйста, сделай меня плохой». Это была ночь 31-го июля. Сигарета выпала у меня изо рта прямо на асфальт, выпустив крошечный фейерверк.

Примечания:

(1) Криптиды – животные, существование которых не доказано (например, Йети, Лохнесское чудовище, Чупакабра и т. п.). (2) "Большая волна в Канагаве" (яп. □□□□□□ Kanagawa oki nami ura) – известная гравюра японского художника Кацусики Хокусая. (3) Вакамэ (ундария перистая) – вид бурых водорослей. Имеет сладковатый привкус. (4) Японские иероглифы могут транскрибироваться с помощью слоговой азбуки – каны. (5) Персеиды – метеорный поток, ежегодно наблюдаемый в августе.

http://tl.rulate.ru/book/9410/204139